

Один хорошо, а два — лучше

Вадим Репин и Борис Березовский
впервые сыграли вместе в Москве

Борис Березовский и Вадим Репин довольны друг другом

В Большом зале Московской консерватории был представлен один из самых успешных современных проектов в ансамблевой музыке: дуэт скрипача Вадима Репина и пианиста Бориса Березовского. Вместе два приятеля играют давно, но в Москве их до сих пор слышали лишь по отдельности. Ни тот, ни другой и раньше не испытывали недостатка в комплиментах. Но теперь этих комплиментов должно быть как минимум вдвое больше.

Екатерина БИРЮКОВА

Вадим Репин и Борис Березовский — два музыканта, которых не надо долго представлять. Репин — бывший вундеркинд, вопреки трудному детству выросший во взрослого, интересного, незашоренного скрипача. Березовский — победитель конкурса Чайковского 1990 года, обаятельный разгильдяй, отчисленный когда-то из Московской консерватории. Оба ведут активную международную концертную жизнь. Оба собирают полные залы. Оба являются кумирами для студентов, избравших их символом протеста против чинного консерваторского академизма. Оба — яркие представители того поколения, что уже здесь не живет, а только изредка приезжает.

На этом сходство Репина с Березовским кончается, потому что, выходя на сцену, они рассказывают оттуда совсем непохожие вещи. Репин — романтик, при этом очень гармоничный и элегантный. Березовский — бунтарь и разрушитель с холодным, ясным, смелым умом. Репин ценит красоту звука и не пропускает возможности очаровать зал певучей кантиленой. Березовский колотит по роялю с таким равнодушным видом, будто перед ним клавиатура компьютера, и совершенно неотразим в тех местах, где никакой мелодичностью и не пахнет.

Вместе эти два музыканта дают совершенно непредвиденно

сильный эффект. Это тот случай, когда противоположности не мешают, а только выгодно подчеркивают достоинства друг друга. Если каждый из них в какой-то момент и может поднадоесть, то их острый диалог уж точно не даст слушателю расслабиться ни на секунду. Скорее это даже не диалог, а затейливое сочетание двух равноправных текстов на разных языках, делающее совершенно бессмысленными такие понятия, как «солист» и «аккомпаниатор».

В программе вечера были три сонаты совершенно разного музыкального достоинства и содержания. Наименее выигрышны оказались «Дьявольские трели» Джузеппе Тартини в виртуозной транскрипции Крейсlera — исключительно из-за крайне скудной фортепианной партии, которая не давала возможности Березовскому показать себя. Наиболее эффектна, как ни странно, была Скрипичная соната Рихарда Штрауса, ранее, крайне многословное и местами абсолютно пустое сочинение, из которого наша пара молодых сделала настоящий интеллектуальный шедевр. А самой показательной оказалась Первая скрипичная соната Прокофьева, замечательная и очень глубокая музыка, автор которой волей-неволей встрял в диалог двух героев вечера. Не сказать, чтобы Прокофьев оказался тут третьим лишним. Но то, что он был не главным в этом разговоре, это точно. Говорю это безо всякой укоризны.